Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 213-229
DOI: 10.66224/iarll.25.11
Article No.: 25.111.202502.213229 *Scientific Article*

LISTING AS A DESCRIPTIVE MEANS IN «VOYAGE BEYOND THREE SEAS» OF AFANASY NIKITIN: THEME AND STRUCTURE

Hovhannesyan Gayane[1*]
Lecturer, Yerevan State University,
Yerevan, Armenia

(date of receiving: October, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

The article examines listing as an important, characteristic and text-forming device of Afanasy Nikitin's «Voyage Beyond Three Seas». In this text the listing has its own special characteristics both at the level of content, themes, and at the level of structure. In both cases it is represented by a rich variety of constituent elements. The themes in the work, with all their diversity and richness, can be divided into two groups: a description of the physical and spiritual world. The scholarly literature on the «Voyage» has noted this division. We consider the coexistence of these topics in a single context, the features of their implementation. Regarding the grammatical structure of listing we address such aspects as the simplicity and complexity of constructions, the absence and presence of distribution, the presence of elements and lacunarity, etc., as well as the lexical content and functioning of lexical oppositions – repetition of words, replacement with synonyms, repetition of roots, use antonymy. Externally the features of listing come down to the length and brevity of the series. These are enumeration with homogeneous members and with a subordinate sentence in their composition, with quantitative characteristics in the form of numbers and with generalizing words «many», «a little», listing's that tend to lengthen the series with a maximum reduction of species and listing's ending with a generalizing word. Such syntax of the text speaks about the psychological characteristics of the author. In general he is characterized by attentiveness of gaze, vigilance, good memory, responsibility, curiosity, but the syntax, which is different in paceand intensity, speaks of his different emotional and moral states: different attitudes towards the objects described, internal tabooing of oneself during descriptions, surprise, admiration, joy, sadness. Those any of our observations of the monument lead to a psychological and ideological conversation about it. This always characterizes good and deep literature. The diversity and depth of the elements presented in the listing reveals the consistency of this technique in «Voyage», the importance of its role in constructing the content, rhythm and poetics of this text.

Keywords: «Voyage Beyond Three Seas», Listing, Theme, Grammatical, Poetics.

1. E-mail: gayane.hovhannesyan@ysu.am; https://orcid.org/0009-0009-6320-8988
* Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 213-229
DOI: 10.66224/iarll.25.11
Article No.: 25.111.202502.213229 *Статья научная*

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ КАК ОПИСАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В «ХОЖЕНИИ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА: ТЕМАТИКА И СТРУКТУРА

Оганесян Гаяне[1*]
Преподаватель, кафедра русского языка ЕГУ,
Ереван, Армения.

(дата получения: октябрь 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

В статье рассматривается перечисление как важный, характерный и текстообразующий приём «Хожения за три моря» Афанасия Никитина. В данном тексте перечисление обладает своими особенными характеристиками и на уровне содержания, тем, и на уровне структуры. И в том, и в другом случае оно представлено богатым многообразием составляющих элементов. Темы в произведении при всём многообразии и богатстве можно разделить на две группы: описание физического и духовного мира. В научной литературе о «Хожении» отмечено это разделение. Мы рассматриваем сосуществование этих тем в едином контексте, особенности их следования. Относительно грамматической структуры перечислений мы обращаемся к таким аспектам, как простота и сложность конструкций, отсутствие и наличие распространения, присутствие элементов и лакунарность и т.д., а также лексическое наполнение и функционирование лексических оппозиций – повторение слов, замена синонимами, повтор корней, употребление антонимии. Внешне особенности перечислений сводятся к длине и краткости ряда. Это перечисления с однородными членами и с подчинённым предложением в составе, с количественными характеристиками в виде цифр и с обобщающими словами «много», «мало», перечисления, тяготеющие к удлинению ряда с максимальным приведением видов и перечисления, обрывающиеся обобщающим словом. Подобный синтаксис памятника говорит о психологических характеристиках автора. В общей сложности ему присуща внимательность взгляда, зоркость, хорошая память, ответственность, любознательность, но разный по своему темпу и интенсивности синтаксис говорит о его различных эмоциональных и нравственных состояниях: о различном отношении к описываемым предметам, внутреннем табуировании себя при описаниях, удивлении, восхищении, радости, грусти. Любые наши наблюдения по памятнику приводят к психологическому и мировоззренческому разговору о нём. Это всегда характеризует хорошую и глубокую литературу. По разнообразию и глубине представленных в перечислении элементов выявляется состоятельность этого приёма в «Хожении», важность его роли в построении содержания, ритма и поэтики этого текста.

Ключевые слова: «Хожение за три моря», перечисление, тема, грамматический, поэтика.

---

1. E-mail: gayane.hovhannesyan@ysu.am; https://orcid.org/0009-0009-6320-8988
* Ответственный автор

Введение

Наша статья посвящена рассмотрению перечисления как характерной особенности «Хожения за три моря» Афанасия Никитина. Мы рассматриваем разнообразие перечислений с точки зрения их тематики, структурно-грамматических характеристик, лексического описания. Это и сложность и распространённость конструкций, их оппозиции, интенсивность проявления. При исследовании многообразия перечисления в данном тексте, выявляется глубина содержания, самобытность и своеобразие его поэтики.

Известно, что открывателем «Хожения» был Н. А. Карамзин, великий реформатор русского языка, царский историограф и автор «Истории Государства Российского». Он в свое время восхитился смелостью предприимчивого тверского путешественника Афанасия Никитина, опередившего многих известных путешественников того времени, например, такого как Васко да Гама, не только своим куражом, но и широтой мировоззрения. Пока Васко да Гама искал путь от Африки до Индостана, Афанасий Никитин уже купечествовал на берегу Малабара. После Карамзина памятник издавался и комментировался исследователями той эпохи, также переводился на немецкий и английский языки: был напечатан в «Софийском временнике» П. М. Строевым и в «Сказаниях Русского Народа» И. П. Сахарова. Из работ XIX в. нужно особо выделить и подчеркнуть книги-комментарии филолога-слависта, этнолога И. И. Срезневского «Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466−1472 гг.» и И. П. Минаева, русского востоковеда-индолога, «Старая Индия. Заметки на «Хожение за три моря» Афанасия Никитина». Срезневский пишет: «Как, однако, ни кратки записки, оставленные Никитиным, <...> в них он рисует как человек начитанный, а вместе с тем и как *любознательный наблюдатель* (здесь и в следующей цитате выделено нами – Г.О.), как путешественник-писатель, <...> не хуже своих собратов-торговцев 15-ого века» (Срезневский 1857: 81). И, в свою очередь,

Минаев отмечает: «Предприимчивый тверич Аф.Никитин, несмотря на предполагаемую <...> необразованность, был однако замечательно умный и *наблюдательный* путешественник, <...> в его записках нет и лишних слов, и на всех сообщениях лежит печать толковитости; <...> этот памятник есть краткий, но дельный рассказ весьма умного и *наблюдательного* человека о том, что он видел и слышал. *Многого* Аф. Никитин не касается в своих заметках, о *многом* говорит вскользь, но обо *всем важном* говорит дело» (Минаев 1881. 2). В исследованиях-наблюдениях той эпохи мы видим большее внимание к фактологической информации. Это понятно, поскольку во времена, когда не было еще самолетов, средств быстрого передвижения, информация о зарубежье как своего времени, так и исторического, была особо ценна. Но указанные нами исследователи в своих оценках и характеристиках обязательно выделяют качество Афанасия Никитина, которое мы поставили во главу угла нашего исследования, - наблюдательность, любознательность. Минаев как будто проговаривается в выражениях «многого», «обо всем важном» об одном из основных составляющих элементов памятника: многообразии содержащейся информации. Мы определяем этот аспект как стержневой для памятника в содержательном, стилистическом, структурном, психологическом, мировоззренческом и, почему нет, философском плане. И этот аспект находит в тексте свое выражение в фигуре перечисления, как мы ее называем.

Основная часть

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина – оригинальный памятник своей эпохи. Его характеризует непосредственность рассказчика, произведение лишено главной характеристики средневековой древнерусской литературы: оно написано не по канону. Это впечатления человека от всего окружающего, описание во всём многообразии наблюдаемых объектов. Выбор

объектов не задан заранее: он описывает события и людей по мере наблюдения. В интонации «Хожения» прежде всего улавливается стремление автора подробно передать то, что он видит. Предметы, которые он описывает, новы для древнерусской книжности.

Иногда приходится удивляться памяти Никитина, человека, способного запомнить расстояния, количество дней, вещей, людей, животных – цифры, которые он приводит, присутствуют в памятнике в изобилии. Мы не можем с абсолютной точностью сегодня восстановить соответствие этих цифр действительности, однако стремление автора приводить их в своей работе говорит о его желании создать документально верный источник, который был бы интересен читающему. Количественные характеристики в тексте привязывают его к реальности и говорят о внимательном отношении автора к своему труду. В их особом употреблении (об этом мы ещё скажем ниже) отражается и стремление к верности отображения событий и в то же время попытка придать определённую поэтику тексту. Афанасий Никитин показывает себя и как естествоиспытатель, и как путешественник, и как писатель. Любопытно, что памятник раскрывает читателям внешний мир и в то же время внутренний мир автора, его намерения. В этом плане «Хожение» обладает психологической многоплановостью и не является узко только лишь произведением, которое можно отнести к жанру путевых заметок. Квантитативная лексика перерастает в стилистику «Хожения» и выстраивает его определённую структуру.

Формулируя способ передачи событий в древнерусских текстах, академик Д.С. Лихачёв пишет об этом так: «Рассказ о событиях – это *внутренне* упорядоченная их передача. Запись о событиях требует только *внешней* упорядоченности» (Лихачёв 1979. 263).

Мы начали с цифр, однако речь не только о цифрах, но той структуре, частью которой они являются – перечислении. Перечисление в «Хожении»

составляет главную структурную и стилистическую характеристику. Перечисление вообще свойственно древнерусским памятникам. Мы его видим от самых первых памятников – «Слов» митрополитов и до деловых памятников («Русская правда»), житий (в том числе жанра «плетения словес»). Перечисление – одна из главных составляющих старославянской и древнерусской литературы, поскольку свойственна стилю библейских текстов. «Анфиладное нанизывание», как характеризует эту схему Д. С. Лихачёв (Лихачёв 1979. 253), говоря о выстраивании временного пространства в древнерусских текстах. Это горизонтальное нанизывание есть и в писательском принципе Никитина.

У Никитина перечисление несёт совершенно иную, новую для древнерусских памятников информационную и стилистическую нагрузку: Никитин выбирает этот инструмент как способ подробного, достоверного описания, а не как канон, как мы сказали выше.

Афанасий Никитин отправляется в длительное путешествие, следовательно, перечень приводимых им явлений очень широк. Это географические наименования (морей, стран, городов), имена людей, наименования одежды, праздников и обычаев, предметов быта, мер измерения (длины, дальности, времени), перечисление действий и многого-многого другого. Иногда в перечислении может выделяться тема, например, «еда», и её подтемы: агрономическое искусство (к примеру, описание способа выращивания злака), наименования приготовляемых блюд, способ приёма пищи, количество её приёма в течение дня, ритуал вокруг её приёма.

В целом описываемые Никитиным темы можно разделить на две большие группы: физический и духовный мир, образующие вкупе «дуалистический мир "Хожения"», как говорил об этом Б. А. Успенский (Успенский 1996. 381). Физический мир – это описание расстояний, географических объектов и

прочего, духовный – людей, их нравов, поступков, поведения. Б.А. Успенский, цитируя Ю. М. Лотмана, пишет о «Хожении», что «движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей» (Успенский 1958. 381). К примеру, в тексте говорится: «А я пошёл в Дербент; а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошёл за море в Чапакур, да тут и жил, в Чапакуре 6 месяцев, да в Сари, в Мазандаранской земле, жил месяц. А оттуда пошёл к Амулю и тут жил месяц, а оттуда к Демавенду, а из Демавенда – к Рею, *тут убили шаха Хусейна Алеевых детей и внучат Мухаммедовых, а он их проклял так, что 70 городов развалилось*» (73).[1] В приведённом предложении некоторые города приводятся без характеристик, простым перечислением, некоторые описывался через длительность времени, какое он в них пребывал, а некоторые получают событийные описания, при этом события передают человеческие характеры: «всё в пространстве связано между собой не только физически, но и эмоционально, нравственно» (Лихачёв 1979. 350). Темы переключаются от абзаца к абзацу, перемежая описание физического и духовного. Например, на стр. 88 мы читаем: «А от Кульбарга пошёл до Кулура, а в Кулуре родится сердолик, и здесь его отделывают, а затем на весь свет оттуда развозят. В Кулуре же проживает 300 алмазников, украшают оружие». Характеристикой местности выбрана деятельность его мастеров. Сначала приводится частная деталь, а потом автор идёт к обобщению – *проживает 300 алмазников, украшают оружие.* Сразу в следующем абзаце мы читаем: «Дабул же весьма большой город, и к нему съезжается всё

1. Текст памятника приводится по изданию «Хожение за три моря Афанасия Никитина», издательство Академии наук СССР, Москва-Ленинград, 1958 г., 302 с. Поскольку мы не анализируем фонетическую или морфологическую сторону текста, то цитируем его по переводу Н.С. Чаева, который содержится в указанном издании. Здесь и далее в скобках будет указана только страница источника.

поморье, Индийское и Эфиопское. И тут я, окаянный рабище бога вышного, творца неба и земли, Афанасий поразмыслил о христианской вере, о крещении Христове, об устроенных святыми отцами заговеньях и о заповедях апостольских и устремился умом пойти на Русь». Фокус внимания переключается от материального к внутреннему миру, от физического, упоминания о дорогих каменьях и изготовлении оружия, к духовному – родной вере и тоске по родине. Далее: «И в той Ефиопской земле был 5 дней. Божией благодатью зло не произошло, много роздали мы ефиопам рису, перцу, хлебов, – и они суда не пограбили» – снова описывается «схождение на землю», обращение к внешнему, физическому миру. Такое переключение тем обогащает памятник информативно, содержательно, эмоционально. Вообще, в памятнике есть двоякая глубина, если говорить не только относительно противопоставления физического и духовного, но и временного плана. Совершенно одно, когда мы читаем перечисление проведённых Никитиным дней в том или ином месте, и совсем другое, если постараться вникнуть в это количество дней и постараться понять, как автор проживал их, «проживать» их вместе с ним. С этой точки зрения «Хожение» может по-настоящему стать для читателя хожением, попыткой приблизиться к автору и к переживаемому им. Второй, истинный временной пласт «Хожения», огромен, сложен и очень глубок. Чего только стоит вот это перечисление дней на стр. 89: «А оттуда плыл 12 дней до Маската… И плыл до Ормуза 9 дней и в Ормузе был 20 дней. Из Ормуза пошёл к Лару и в Ларе был 7 дней. А из Шираза пошёл в Аберкух, 15 дней, а в Аберкухе был 10 дней. А из Аберкуха пошёл к Йезду, 9 дней, а в Йезде был 8 дней. А из Йезда пошёл к Испагани, 5 дней, а в Испагани был 6 дней. А из Испагани пошёл к Кашану, а в Кашане был 5 дней». Тут он прерывает географическое перечисление с приведением дней и начинает перечислять только местности. Представление о количестве проведённых в том или ином месте дней и событиях, происходивших там в каждый из этих

дней – это другой, не известный нам пласт «Хожения», «Хожение» в «Хожении».

Никитин не выстраивает описываемое в симметрии, что говорит о «живости» памятника: автор по чистоте сердечной приводит то, что помнит и в тех подробностях, которые запечатлелись. Однако с другой стороны именно отсутствие этой «нарочитой» стройности создаёт свою естественную структуру и возможные взаимные корреляции тем и структур.

Говоря о структуре, мы имеем в виду грамматическую структуру. Перечисления Афанасия Никитина облачены в следующие грамматические модели:

1) однородные члены предложения – сложносочинённые предложения: *Тогда же у них пашут и сеют пшеницу, рис, горох и всё съестное* (74). – *Тут есть пристанище Ормузское, тут же есть Индийское море* (73). Отметим, что разнообразие соединений в сложном предложении огромно. Это и союзная связь с самыми различными союзами, и бессоюзная связь. В приведённом примере мы видим союз *же* в значении *и*;

2) предложения с союзом «а» в соединительном значении – предложения с союзом «а» в противительном значении: *А князь их – фата на голове, а другая на бёдрах; бояре у них ходят – фата на плече, а другая на бёдрах…* (74). Это противительное значение союза. На основном же пространстве текста союз *а*, повторяющийся постоянно, служит цементирующим материалом и по своей семантике близок к союзу *и*. Они часто перемежаются: ***А*** *в Ормузе был месяц и пошёл оттуда после Великого дня … за Индийское море в таве с конями.* ***И*** *шли мы морем до Маската 10 дней,* ***а*** *от Маската до Дега 4 дня… От Чаула мы пошли в седьмую неделю после Великого дня,* ***а*** *шли от Чаула в таве 6 недель морем* (73);

3) перечисление с приведением цифр – перечисления с описательной лексикой в составе (например, словом «также»): *И из Джунира вышли в день*

Успения Пречистой к Бидару, большому их городу, и шли месяц; а от Бидара до Кулунгира 5 дней, а от Кулунгира до Кульбарги ***также*** *5 дней. Между этими большими городами много других городов, каждый день встречалось по 3 города, а в другой и по 4; сколько ковов, столько и городов* (75);

4) перечисление с распространением, приложением – перечисление без распространения: *И пошли мы к Дербенту в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей, да 6 тверичей, да коровы, да корм наш* (73). – *Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекезан* (71);

5) перечисления без обобщения – перечисления с обобщениями, подведением итога (слова «все», «много», «мало» и т.д.): *Коней кормят горохом и варят для них рис с сахаром и маслом; рано утром дают им ещё рисовые лепёшки* (74). – *На них ездят и товар иногда возят, -* ***всё*** *делают* (74), *...Привозят их* ***все*** *морем* (74) – обобщения Никитин употребляет при перечислении, связанном с человеческой деятельностью: обобщать может человеческий взгляд;

6) перечисление – его отсутствие, лакуна: *Выше я не все города назвал – много городов великих* (73). Это средство усиления внимания: через не-перечисление среди окружающего обилия этого приёма усиливается образность, автор апеллирует к воображению читателя.

Во взаимодействии тем и грамматических конструкций есть смешанное употребление подвидов. Это отображение в речи мышления, взаимодействие физического и духовного в человеке, о чём мы говорили выше. Мы привели пример с 70 городами, но таких примеров в произведении очень много. Возьмём следующее описание: «*И тут есть пристанище Ормузское; тут же есть Индийское море, по-персидски Индостанское море. И оттуда идти морем до Ормуза 4 мили. А Ормуз находится на острове, и ежедневно дважды заливает его море. Тут я встретил первый Великий день, а пришёл я в*

Ормуз за 4 недели до Великого дня. Выше я не все города назвал – много городов великих. Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе был месяц и пошёл оттуда после Великого дня, в Фомину неделю за Индийское море в таве с конями. И шли мы морем до Маската 10 дней; а от Маската до Дега 4 дня; а от Дега к Гуджерату…» (73). Здесь мы видим перечисления с определительным дополнением и без них. Любопытными среди них являются сегменты с цифрой 4. Сначала он измеряет дальность цифрой 4 в составе меры длины – 4 мили – а потом «от Моската до Дега 4 дня» – тут же дальность, географическое расстояние передаёт через меру времени. Во втором случае в описание примешивается целый комплекс представлений, поскольку за 4 дня в пути человек многое переживает и через многое проходит. Между ними ещё одна цифра 4 – «пришёл я в Омруз за 4 недели до Великого дня» – которая тоже передаёт и расстояние, дальность, и внутреннее состояние человека. Внешне интересно совпадение цифр 4. Кажется, что в авторе включён некий фокус ощущения, при котором его передвижение во времени и расстоянии лучше всего передаёт эта цифра. Может также оказаться, что это было его методом запомнить дальность, чтоб впоследствии суметь её передать в своих записях. Но, в любом случае, второе является следствием первого. Визуально для читающего это воссоздаёт в тексте любопытную поэтику и своеобразную эстетику. Всегда остаётся гадать об этом совпадении числа – случайно оно или нет.

В общем для поэтики «Хожения» характерны повторяющиеся и круглые числа. В определённой степени это может отображать мировосприятие «удивляющегося» человека, который путешествует и видит всё время новое. Его представлению и взгляду на вещи может быть свойственна гиперболизация. Это также поэтический взгляд на мир, желание описать мир во всей мощи и многообразии, а также желание произвести впечатление на читателя: «Есть здесь хорасанец Меликтучар, боярин – так у него рати 200

тысяч. А у Мелик-хана – 100 тысяч, а у Харат-хана – 20 тысяч. А у многих же ханов рати по 10 тысяч. С султана рати выходит 300 тысяч. Земля весьма многолюдна; сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны; носят их на серебряных носилках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков 10 человек, да свирельников 10 человек. Султан же выезжает на потеху с матерью и женой, да с ними на конях 10 тысяч человек, да пеших 50 тысяч. А слонов водят 200 человек, наряженных в золочёные доспехи. Да перед султаном идёт 100 человек трубников, да плясунов 100 человек, да коней простых 300 в золотых сбруях, да обезьян за ним 100, да наложниц 100, и все юные девы» (77). Здесь любопытное слияние впечатления от сотенных чисел и десятин – 10 и 10 тысяч, 100 и 100 тысяч – создают калейдоскоп описания мощи, богатства, роскоши. В одном предложении повторяется цифра 10, а в следующем появляется число 10 тысяч, при этом «тысяч» написано словами, что создаёт целостный образ большого количества: 10 тысяч человек в свите султана. Т.е. количеству в 10 передаётся мощь 10 тысяч, по цепной реакции слова «заряжают» друг друга. Как писал Тынянов, «слова в стиховом ряду семантически действуют друг на друга в силу единства и тесноты ряда» (Тынянов 1965, 125). Хотя «Хожение» не стих, но в общем поэтическом смысле это сказанное приложимо к нему, поскольку оно обладает своей поэтикой.

Надо сказать, что перечисление в «Хожении» обладает своими характеристиками как в разрезе целого текста, так и одного периода, абзаца. Абзац выступает как сжатая модель. Концептуально всё перечисление «Хожения» – это есть со- и противопоставление, что генетически одно и то же. Когда приводятся числа 10 и 10 тысяч, одновременно задействуется процедура и сопоставления, и противопоставления: на фоне 10-ти тысяч 10 – это мало, но для класса предметов, где используется число 10 как описательный

инструмент, – это большое количество. Со- и противопоставление диктует соответственную структуру построения периода: соединительные конструкции и противительные. Но, если мы посмотрим на любой из абзацев «Хожения», то увидим, что эти два приёма, переплетаясь, выстраиваются по цепному принципу – чередуясь и перемежаясь. В этом чередовании центром являются слова-доминанты, опорные слова. Например: «В султанов дворец ведёт семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов-кафиров: одни записывают, кто войдёт, другие, - кто выйдет; чужестранцев же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды» (77). Здесь доминантой является слово *дворец*, и вокруг него выстраивается перечисление: *семеро ворот, по сто сторожей да по сто писцов, одни – другие, кто войдёт – кто выйдет, резьба да золото.* Слово «дворец» выступает доминантным центром для группы повторений. Доминанта может формироваться по принципу повтора и центрового расположения, а может – по логическому принципу, принадлежности одному роду (например, семантической группе): «динамика построения текста показывает себя как колебательный процесс», где слова могут осуществлять «колебательное, циклическое и периодическое взаимодействие» (Москальчук 2012. 90). Например, в перечислении «… как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое – в образе человека; второе – в образе человека, но с хоботом слона; третье – человеком в виде обезьяны; четвёртое – человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень» (78). Здесь доминантным является перечисление, внешне, лексически, отображённое в числительных. Другим центром перечисления является слово человек с наращиванием последующего описательного ряда. Любопытна синонимическая замена «*в виде*» и «*в образе*» как избегание тавтологии. Но и употребление выражения «*в образе*» тоже

структурно сложное, хотя на первый взгляд может так не показаться. Автор пишет: «являлся во многих образах» и далее, перечисляя эти *образы* и употребляя одно и то же слово, он использует вариативность возможности его употребления. Это и грамматические различные формы, и приём перестановки, что принципиально меняет содержание, т.е. перестановка не является чисто формальной. В первом случае просто «*в образе человека*», во втором – слово *образ* приводится с распространением – *в каком образе* – «*с хоботом слона*», последнее употребление – «*человек в образе лютого зверя*», т.е. слово «*образ»* здесь вошло уже в состав другой семантической группы: уже не образ человека, а сам человек в образе лютого зверя.

Наблюдение за доминантами текста интересно, поскольку, как выразился об этом Винокур, отображает построение автором его картины мира и «является вербализацией этой картины мира в тексте» (Винокур 1959. 236).

Заключение

Мы привели лишь малую долю того структурного разнообразия, которое лежит в основе рядов перечисления в рассматриваемом памятнике. Их описание возможно, но на большем пространстве научного текста. Главный вывод, который мы делаем, – это констатация многообразия и богатства вариаций языка произведения. Через это своё качество «Хожение» апеллирует к различной глубине читательского восприятия. Оно может быть прочитано и как увлекательное, красочное чтиво, и как произведение, обладающее глубоким психологизмом благодаря имеющемуся в нём компоненту субъективного и объективного описания. Автор всегда о чём-то говорит, а о чём-то проговаривается. Всё зависит от оптики читательского восприятия. Никитин, пусть и не получал филологического образования, однако обладал хорошим чувством языка. При однообразии воспроизводимых моделей он употребляет поразительное множество вариаций и комбинаторики.

Мы рассмотрели некоторые аспекты перечисления как структурообразующей особенности «Хожения за три моря» Афанасия Никитина. При работе над этой темой выявляется её глубина и состоятельность. При разнообразии приведённых нами примеров и опыте подробного и детального их описания, надо сказать, что это лишь малая часть того, что можно сказать о перечислении как важном элементе этого текста. Перечисление играет важную роль в «Хожении» и в плане содержания, и в плане построения поэтики текста.

Литературы

1- Винокур Г.О. (1959). *Избранные труды по русскому языку*, Москва: Учпедгиз, 492 с.

2- Лихачёв Д.С. (1979). *Поэтика древнерусской литературы*, Москва: «Наука», 351 с.

3- Минаев И.П. (1881). *Старая Индия. Заметки на «Хожение за три моря» Афанасия Никитина*, Санкт-Петербург: типография В.С. Балашева, 174 с.

4- Москальчук Г.Г. (2012). *Форма текста как результат тенденции к раздвоению циклической плотности граничных интервалов текста,* Челябинск, Вестник Челябинского государственного университета, N21(275 с.), стр. 89-92.

5- Срезневский И.И. (1857). *Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466-1472 гг.* Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, 88 с.

6- Тынянов Ю.Н. (1965). *Проблема стихотворного языка*, Москва: «Советский писатель», 140 с.

7- Успенский Б.А. (1996). *Избранные труды. Том I. Семиотика истории. Семиотика культуры.* Москва: «Школа "Языки Русской культуры"», 610 с.

8- *Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг.* (1958). Москва-Ленинград: Академия наук СССР, 145 с.

Bibliography

1- Vinokur G.O. (1959). *Izbrannye trudy po russkomu iazyku*, Moskva: Uchpedgiz, 492 s.

2- Likhachev D.S. (1979). *Poetika drevnerusskoi literatury*, Moskva: «Nauka», 351 s.

3- Minaev I.P. (1881). *Staraia Indiia. Zametki na «Khozhenie za tri moria» Afanasiia Nikitina*, Sankt-Peterburg: tipografiia V.S. Balasheva, 174 s.

4- Moskal'chuk G.G. (2012). *Forma teksta kak rezul'tat tendentsii k razdvoeniiu tsiklicheskoi plotnosti granichnykh intervalov teksta*, Cheliabinsk, Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, N21(275 s.), str. 89-92.

5- Sreznevskii I.I. (1857). *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina v 1466-1472 gg.* Sankt-Peterburg: tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 88 s.

6- Tynianov Iu.N. (1965). *Problema stikhotvornogo iazyka*, Moskva: «Sovetskii pisatel'», 140 s.

7- Uspenskii B.A. (1996). *Izbrannye trudy. Tom I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury.* Moskva: «Shkola "Iazyki Russkoi kul'tury"», 610 s.

8- *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina 1466-1472 gg.* (1958). Moskva-Leningrad: Akademiia nauk SSSR, 145 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Hovhannesyan Gayane (2025). LISTING AS A DESCRIPTIVE MEANS IN «VOYAGE BEYOND THREE SEAS» OF AFANASY NIKITIN: THEME AND STRUCTURE. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 213-229.
DOI: 10.66224/iarll.25.11
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/341

فهرست شمارشی به‌عنوان ابزار توصیفی در «گذر از سه دریا» اثر آفاناسی نیکیتین: مضمون و ساختار

گایانه آگاناسیان[1]*
استادیار، دانشگاه دولتی ایروان،
ایروان، ارمنستان

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

در این مقاله به بررسی فهرست شمارشی به عنوان یک ابزار مهم، ویژه و متن‌ساز در سفرنامه «گذر از سه دریا» اثر آفاناسی نیکیتین پرداخته می‌شود. در اثر مذکور، فهرست در سطح محتوا و مضامین و نیز در سطح ساختار ویژگی‌های خاص خود را داشته و در هر دو مورد تنوعی غنی از عناصر تشکیل‌دهنده وجود دارد. مضامین موجود در این اثر با تنوع و غنای بسیار به دو دسته تقسیم می‌شود: توصیف دنیای فیزیکی و توصیف دنیای معنوی. این تقسیم‌بندی در ادبیات علمی سفرنامه «گذر از سه دریا» ذکر شده است. در این اثر، ترکیب این مضامین در یک بافتار واحد و ویژگی‌های توالی آنها بررسی می‌شود. درخصوص ساختار دستوری فهرست‌ها، جنبه‌هایی مانند سادگی و پیچیدگی ساخت‌ها، عدم و وجود توزیع آنها، وجود عناصر و ابهام و همچنین محتوای واژگانی و عملکرد تقابل‌های واژگانی، تکرار کلمات، جایگزینی با کلمات مترادف، تکرار ریشه، استفاده از کلمات متضاد مورد توجه قرار می‌گیرد. ویژگی‌های فهرست‌های شمارشی در ظاهر به طول و کوتاهی یک سلسله خلاصه می‌شود. اینها فهرست‌هایی با اجزای همگن و با یک بند فرعی در ترکیب، دارای ویژگی‌های کمی به صورت اعداد و با کلمات تعمیم‌دهنده «زیاد» و «کم» هستند. همچنین فهرست‌های موجود، فهرست‌هایی متمایل به طولانی‌شدن سری با حداکثر کاهش نوع و نیز فهرست‌هایی با یک کلمه تعمیم‌دهنده تلقی می‌شوند. این ویژگی نحوی از اثر، حکایت از ویژگی‌های روان‌شناختی نویسنده دارد. به طور کلی، دقت‌نظر، تیزبینی، حافظه خوب، مسئولیت‌پذیری، کنجکاوی مختص نویسنده اثر بوده، اما نحو متفاوت در سرعت و اثربخشی، حالات عاطفی و اخلاقی متفاوت وی را بیان می‌کند: نگرش‌های متفاوت نسبت به موضوعات توصیفی، تابوی درونی خود در هنگام توصیف، تعجب، تحسین، شادی، غم؛ یعنی هر یک از مشاهدات ما از این اثر منجر به گفتگوی روانی و ایدئولوژیک در مورد آن می‌شود. این موضوع همیشه اثر خوب و عمیق را توصیف می‌کند. تنوع و عمق عناصر موجود در فهرست‌ها، اعتبار این ابزار در «سفرنامه» و اهمیت نقش آن را در ساختن محتوا، ریتم و سخن‌شناسی متن آشکار و روشن می‌سازد.

واژگان کلیدی: «گذر از سه دریا»، شمارش، موضوع، دستور زبان، نظریه شعر (سخن‌شناسی).

---

* نویسنده مسئول
1. E-mail: gayane.hovhannesyan@ysu.am; https://orcid.org/0009-0009-6320-8988

نوع مقاله: علمی- پژوهشی